

Хэ Сы поднял голову, молча встретился взглядом с заплаканными глазами собеседника и медленно вымолвил:

— Цзинчжун...

Дюжий мужчина, крепкий, как тигр, вздрогнул всем телом. На глазах у него выступили слёзы, повисшие на ресницах и готовые вот-вот скатиться.

Хэ Сы смотрел на него какое-то время, а потом беззвучно сглотнул слова, уже готовые сорваться с языка.

Да, перед отъездом старого наместника из столицы Хэ Сы предлагал, чтобы его верные Четыре Великих Хранителя последовали за ним, удалившись на покой. Но старый наместник решительно отказался.

Всё-таки Хэ Сы лишь недавно вступил в должность и не успел пустить корни. Даже при всём авторитете, который старый наместник годами копил при дворе и за его пределами, никто не мог гарантировать, что найдутся недовольные. Особенно среди тех упрямых и закостенелых конфуцианских старцев.

Так приёмный отец ушёл, а Четыре Великих Хранителя остались, превратившись в послушные руки и когти нового наместника, готовые и дальше творить произвол и гнобить преданных слуг престола.

Из-за этого Хэ Сы не успел и дня просидеть в кресле главы Восточной палаты, как доклады с обвинениями полетели во дворец, словно снежная метель. Половина клеймила старого главу Палаты за злоупотребление властью — мол, самовольно передал Восточную палату какому-то молокососу, поправ все устои и законы. Другая половина обрушилась на самого Хэ Сы — чего только не писали: и что опыта не хватает, и способностей, и что он мелко мстителен, сторонних выдавливает, а кто-то даже утверждал, будто он соблазняет государя, сбивает его с пути истинного и рушит государственные устои!

Всё остальное Хэ Сы ещё как-то пережил бы, но последнее — ни за что!

— Какого чёрта! — не выдержал Хэ Сы, в ярости швырнув со стола кисти. — Нынешнему государю всего семь лет! Чем я его буду соблазнять, отцовской любовью, что ли?

Чжао Цзинчжун тут же принялся обмахивать его веером:

— Господин глава, успокойтесь! Успокойтесь! Это же комплимент! Хвалят вашу красоту, способную целые страны с ног сшибать!

Хэ Сы разозлился пуще прежнего и грохнул ладонью по столу:

— Да я мужик!

Рука Чжао Цзинчжуна замерла. Его взгляд невольно скользнул вниз, и на лице отразилась жалость.

Хэ Сы: «...»

Точно. Он забыл. Теперь он евнух. Даже если бы и не был евнухом, он всё равно оставался бы жалким калекой — иначе старый глава Палаты не взял бы его с собой в детстве, не водил бы

повсюду по дворцу.

В итоге, став евнухом, он избавился от необходимости проходить ту самую калечащую операцию. Удобно всем...

Удобно, как же!

Теперь все эти доклады, предназначенные для императорского взора, громоздились на его столе горой. Как и его предшественник, Хэ Сы также совмещал должность главы Восточной палаты с постом хранителя печати в Дворцовом секретариате. Нынешний государь ещё не достиг возраста для самостоятельного правления, поэтому все важные дела сначала проходили через Внутренний кабинет, а затем поступали во дворец для решения императора и правящей из-за занавеса вдовствующей императрицы.

Так было на бумаге. На деле же ещё со времён покойного императора право алой кисти оказалось в руках хранителя печати — то есть приёмного отца Хэ Сы, старого главы Палаты.

Говорили, тогда Внутренний кабинет вместе с прочими сановниками завалил старого главу сотнями обличительных докладов, едва не скинув его с поста. Но «едва» не считается. Старый глава велел схватить нескольких самых крикливых и рьяных ханьлинов и каждый день окунал их в водяную темницу, пока их плоть и кости не размякли, а у остальных чиновников не угас весь пыл служения государю и отечеству.

Сам Хэ Сы не одобрял подобных жестоких методов своего приёмного отца. С одной стороны, он спокойно вздыхал, с другой — мысленно усмехался, лёгким движением красной кисти отклоняя несколько докладов, поданных против него самими членами кабинета.

Что до остальных бумаг... Хэ Сы, хоть и не служил прежде при дворе, но, годами находясь рядом со старым главой, успел усвоить: нынешние чиновники Великой Янь большими талантами не блещут, да и натворить особых бед не способны.

В конце концов, он всего лишь евнух, призванный служить государю. Помогать юному императору управлять страной — дело старших сановников и князей. Право алой кисти звучит громко, но на деле сводится к нескольким иероглифам, проходящим через его руки. Разве может он что-то решать?

«Делай, что положено, и не забивай голову», — учил его старый глава.

Свою истинную цену Хэ Сы понимал отлично.

Кисть в его руке скользила быстро, и он не заметил, как на востоке взошла луна-серп. На небе ещё тлели последние отсветы заката, окрашивая оконную бумагу в лёгкую желтизну.

Хэ Сы отложил кисть, швырнул последний доклад в сторону, с силой потер лицо и хлебнул крепкого чая, чтобы немного прочистить голову.

До сих пор он не мог понять: зачем его приёмный отец решил в такой момент удалиться на покой, оставив ему, Хэ Сы, эту развалюху? Ему казалось, что при нынешней скорости, с которой императоры Великой Янь проматывают страну, его приёмный отец вполне мог бы дожить до естественной кончины, улетев на запад на журавле.

Хэ Сы покрутил кисть в пальцах, размышляя, как выполнить отцовский завет «раздавить Императорскую гвардию», как боковым зрением заметил выглядывающий из-под груды

докладов истрёпанный угол.

Он на мгновение замер, а потом вспомнил: это было единственное материальное наследство, оставленное ему приёмным отцом.

«Записки коварного евнуха-чиновника»? — мысленно усмехнулся Хэ Сы. — Какие ещё «записки» могут быть у главы Восточной палаты? Разве не «не нравится — бей, пока не сдохнет»?

Он вытащил истрёпанную, почти рассыпающуюся книжонку из-под докладов, расправил загнутые уголки и обнаружил, что на обложке нет ни единого иероглифа.

Перелистнул наугад — страницы старые, но чистые, ни намёка на чернила. Совершенно пусто.

Хэ Сы: «...»

Пролистал с начала до конца — ни слова. Спокойно швырнул книгу на пол, чтобы подложить под шатающуюся ножку стола.

В момент падения свечное пламя перед ним дрогнуло, и ему почудилось, будто что-то мелькнуло на обложке.

Хэ Сы замешкался, поднял книгу и увидел: на прежде пустой обложке теперь чётко выведены два крупных иероглифа — «Коварный евнух».

Хэ Сы: «...»

Оцепеневшая книга: «...»

Видимо, его реакция показалась слишком спокойной (или оцепеневшей). После паузы следом за двумя иероглифами «Коварный евнух», словно ведомая невидимой рукой, медленно вывелась строка мелкого уставного почерка...

Хэ Сы только прищурился, пытаясь разглядеть, как вдруг в оконную раму трижды постучали. Дежурный евнух за дверью тонким голосом пропел:

— Господин глава~ Её величество вдовствующая императрица изволила передать: государь срочно требует вашей немедленной явки во дворец.

Хэ Сы вздрогнул и очнулся, машинально глянув на время. Близился час закрытия дворцовых ворот. Раз указ исходил от вдовствующей императрицы, значит, сегодня государь ночует в Дворце Вечной Весны.

Текст на истрёпанной книге, казалось, перепугался до смерти и мигом исчез, словно его и не было.

Хэ Сы снова замер, потом почувствовал лёгкую головную боль и неохоту подниматься.

Нынешний государь — поздний ребёнок покойного императора, мать его была низкого происхождения. Даже удостоившись случайной милости императора, она так и не поднялась высоко, а в конце и вовсе была вынуждена стать «небесной девой» и последовать за усопшим в погребальной церемонии.

По логике, государь был тогда слишком мал, чтобы помнить. Но он никак не мог ужиться с её

величеством вдовствующей императрицей. Та же, не имея собственных детей, настаивала на том, чтобы воспитывать его при себе, дабы взрастить материнские чувства.

Насильно мил не будешь, поэтому во дворце каждые три дня случалась подобная история.

Когда был жив приёмный отец, стоило ему появиться, как юный император тут же затихал, будто курица.

Потому что во дворце шёпотом рассказывали, будто старый глава Палаты любил отрезать по кусочку мяса от узников в застенках Восточной палаты и закусывать им вино.

После ухода старого главы его сменил молодой и белокожий Хэ Сы — и государь обнаглел. Не только осмелился перечесть вдовствующей императрице, но и вовсе перестал считать Хэ Сы за кого-либо.

Застёгивая воротник, Хэ Сы размышлял: не припугнуть ли ему государя, сказав, что и он людей ест, причём предпочитает нежное детское мясо? Обвалить в муке, бросить в кипящее масло, подцепить палочками, хруст — и на зуб!

Хм!

Перед уходом он бросил взгляд на истрёпанную книгу.

Книга, притворившаяся мёртвой, затряслась: «...»

...

Дворцовые ворота готовились к закрытию, в палатах и покоях одна за другой зажигались огни. Государь ещё не обзавёлся наложницами и не избрал императрицу, поэтому огни горели редко, совсем не так, как при покойном императоре, когда три дворца, шесть палат и семьдесят две наложницы сияли, словно днём.

Чёрные сапоги Хэ Сы бесшумно ступали по безмолвным дворцовым дорожкам. Он скосил глаза на редкие огоньки, и в душе шевельнулась лёгкая тоска. Уже собрался было поделиться с Чжао Цзинчжунуо мыслями о бренности всего сущего, как из-за красной стены Дворца Вечной Весны донёсся душераздирающий вопль:

— Убийство!!!

Хэ Сы замер на месте.

Дежурный евнух у ворот Дворца Вечной Весны тут же его заметил и, словно узрев спасителя, бросился к нему, плача от счастья:

— Господин глава, вы наконец-то пожаловали!!!

<http://bllate.org/book/16284/1466904>